

**ГЛАВНОЕ НЕДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО
(РЕБЕНОК В РАССКАЗЕ Л.ТОЛСТОГО
«ЧТО Я ВИДЕЛ ВО СНЕ...»)**

**LEADING “NON-ACTING” CHARACTER
(THE CHILD IN THE STORY OF L. TOLSTOY
“THAT I HAD DREAMT...”)**

В статье представлена модель анализа той роли, которую в текстах Л.Н. Толстого играют так называемые «недействующие» лица, представленные детскими персонажами.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, ребенок, «недействующее» лицо, модель анализа текста.

The article presents a model of the analysis of the role which the so-called “non-acting” characters presented by children in L.N. Tolstoy’s texts play.

Keywords: L.N. Tolstoy, child, invalid person, model of text’s analysis.

Названием написанного в 1906 году рассказа «Что я видел во сне...» Л. Толстой постарался пресечь попытки связать его с реальными событиями и прототипами. Однако записи в Дневнике и письма Толстого к брату Сергею Николаевичу и его дочери вычерчивают путь от бывшего в действительности к вымышленному (рассказу). В 1900 г. Вера Сергеевна Толстая вышла замуж за башкирца Абдерашита. Этот брак не был оформлен и не был известен ее семье. Отец, Сергей Николаевич, в последние месяцы беременности дочери узнал о случившемся и очень тяжело переживал.

В рассказе о девушке, брошенной возлюбленным и потому ушедшей из семьи и в дальнем городе родившей ребенка, главным «недействующим» лицом является ребенок. Его появления могли бы уместиться в границах ремарок (плачет, кричит и т.п.). Мы не знаем его имени, о нем говорят только «ребенок», «он», но именно он определяет судьбы окружающих (действующих) лиц, и отношение к нему выявляет самое главное, сокровенное в их душах.

В рассказе «Что я видел во сне...» важны все упоминания о детях.

С детьми неприступно-надменный Михаил Иванович «был как-то почтительно ласков» [2, с. 76]. Это со всеми чужими детьми. Своего побочного сына от французенки он устроил за гра-

ницей и считал свой долг выполненным. Значит, он и не знал его.

Лизу он нежно любил, когда она была ребенком, радовался и гордился ею.

Появление пятилетнего племянника, «сила детства» (так озаглавил Толстой художественное изложение стихотворения В. Гюго «Гражданская война») спасли Лизу от греха самоубийства. «Она остановилась, приласкала мальчика и вдруг расплакалась» [2, с. 81]. Мысль о материнстве заставила ее «вернуться в себя, думать не о том, что подумают и скажут о ней другие, а о настоящей своей жизни» [2, с. 82]. Она начинает молиться, чего давно не делала. Проходит несколько месяцев, и вдруг она ощутила движение ребенка. И это перевернуло ее жизнь. «И она, забыв про все, про его гадость и ложь, про раздражительность матери, про горе отца, про сияла улыбкой, но не той гнусной улыбкой, которой она отвечала на такие же улыбки его [шведа. – Р.Т.], а светлой, чистой, радостной улыбкой» [2, с. 82]. Лиза ужасается теперь мысли, что могла думать убить его вместе с собой.

У Михаила Ивановича незаконнорожденный сын Лизы вызывает ужас и омерзение. Когда отец входил в дом дочери, «его, как ножом, резнул, как ему показалось, отвратительный, злой крик ребенка» [2, с. 83]. И до этой встречи стоило ему вспомнить «его», и ужас, отвращение и оскорбленная гордость переполняли его сердце.

Во время знаменательной встречи Лизы с отцом ей безумной казалась мысль показать

¹ Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой Армянского государственного педагогического университета им. Хачатуря Абовяна, г. Ереван, Республика Армения.

ребенка отцу, «показать тому, кого она так давно любила, того, кого она теперь любила больше всего на свете» [2, с. 84]. Она знает, что это было бы мучительно для Михаила Ивановича.

В «Анне Карениной» есть похожая, на первый взгляд, ситуация. Анна посылает мужу телеграмму о том, что умирает, и умоляет его приехать. Прощение сделало бы ее смерть спокойной. И, думая о Каренине, ожидая его приезда, она говорит, что мужу будет мучительным увидеть ребенка, ее дочь от Вронского.

В центре обоих эпизодов – ребенок, невинное дитя, само существование которого может ранить и оскорбить. И в то же время эти ситуации развиваются очень непохоже, поскольку разные характеры задействованы в них.

Каренин, получив телеграмму, «ясно понял», как он желал смерти жены, которая развязала бы создавшееся положение. Но Каренин прощает жену. То, что казалось неразрешимым, «когда он осуждал, упрекал и ненавидел, стало просто и ясно, когда он прощал и любил» [1, с. 440]. Не только жену, он простил Вронского. Он жалел своего сына больше, чем раньше, и упрекал себя в том, что мало им занимался. «Но к новорожденной маленькой девочке он испытывал какое-то особенное чувство не только жалости, но и нежности» [1, с. 440]. Вначале он занялся ею из чувства сострадания и сам не заметил, как он полюбил ее. «Он по нескольку раз в день ходил в детскую и подолгу сживал там, так что кормилица и няня, сперва робевшие пред ним, привыкли к нему. Он иногда по получасу молча глядел на спящее шафранно-красное, пушистое и сморщенное личико ребенка и наблюдал за движениями хмурящегося лба и за пухлыми ручонками с подвернутыми пальцами, которые задом ладоней терли глазенки и переносицу. В такие минуты в особенности Алексей Александрович чувствовал себя совершенно спокойным и согласным с собой и не видел в своем положении ничего необыкновенного, ничего такого, что бы нужно было изменить» [1, с. 440].

Если крик ребенка Михаилу Ивановичу («Что я видел во сне...») кажется отвратительным, резким, то Каренин, прислушиваясь к крику девочки, слышит ее страдание: ребенок болен.

В мыслях о том, как развяжется этот узел, им руководит желание «не срамить детей, не лишаться их» [1, с. 447]. И о возможности развода он думает, связывая его «с своим прощением, привязанностью к детям» [1, с. 454]. Он в мыслях и в чувствах своих не разделяет своего сына и дочь Анны и Вронского. «Согласиться на развод, дать ей свободу значило в его понятии отнять у себя последнюю привязку к жизни детей, которых он любил, а у нее – последнюю опору на пути добра и ввергнуть ее в погибель» [1, с. 454].

Совсем иначе, с отвращением, относился к ребенку дочери Михаил Иванович Толстой, раздумывая о произошедшем в семье брата, писал своей племяннице, что не обвиняет ее, называл случившееся безумием, несчастьем. Но он считает, что думать Вере Сергеевне надо не о себе, а об отце, о его страданиях, происшедших от ее поступков: «Ты не виновата, как не виноват больной, вызывающий своей болезнью отвращение, но отвращение это все-таки ему нельзя победить» [3, с. 132]. Здесь же высказана мысль о том, что отношения отца и дочери «ничем, кроме как любовью, исправлены быть не могут» [3, с. 132]. И эта мысль воплощена в рассказе «Что я видел во сне...»

В последнем кратком абзаце-эпизоде рассказа мы узнаем, что Михаил Иванович простил дочь, устроил ее в деревне, у сестры, любил ее по-прежнему, часто приезжал к ней. «Но ребенка он избегал видеть и не мог победить в себе чувства отвращения, омерзения к нему. И это было источником страданий дочери» [2, с. 85].

Любовь поборола чувство ужаса и отвращения к дочери. Но любви не хватало на ребенка.

Литература

1. Толстой Л.Н. ПСС : в 90 т. – М. – Л. : Художественная литература, 1928–1958. – Т. 18. – М. – Л., 1934.
2. Толстой Л.Н. ПСС : в 90 т. – М. – Л. : Художественная литература, 1928–1958. – Т. 36. – М. – Л., 1936.
3. Толстой Л.Н. ПСС : в 90 т. – М. – Л. : Художественная литература, 1928–1958. – Т. 73. – М., 1954.